

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. г.

«Военнымъ Сборникомъ» было поднято много вопросовъ, касающихся военнаго быта; но едва ли который нибудь изъ нихъ получилъ окончательное рѣшеніе въ военной литературѣ, да едва ли и дѣло военной литературы окончательно рѣшать ихъ.... Одинъ только вопросъ, и вопросъ такой, на который можетъ и долженъ быть полученъ (хотя, весьма вѣроятно, и не сразу) вполне удовлетворительный отвѣтъ, не былъ поднятъ на страницахъ издаваемого вами журнала, — а именно: какая задача выпадаетъ на долю самаго «Военнаго Сборника» въ военномъ быту?

Считая вопросъ этотъ весьма важнымъ и не имѣя претензій исчерпать и разрѣшить его, я только рѣшаюсь его коснуться, съ надеждой вызвать къ его разрѣшенію другихъ, а можетъ быть заставить высказаться и самую редакцію.

Роль нашей журналистики, въ настоящую эпоху нашего народнаго развитія, важнѣе, чѣмъ когда нибудь. Мы уже почувствовали свой разумъ; мы хотимъ дѣйствовать: хорошо, честно, разумно, ради того, что мы сознаемъ хорошее, честное, разум-

ное. Но въ то же время мы не достаточно еще привыкли къ свѣту, въ то же время свободный солнечный лучъ повременамъ еще ослѣпляетъ насъ. Какъ юноши, мы легко увлекаемся крайностью; какъ юноши, мы скоро вырабатываемъ жизненные вопросы первой важности, хотя, повидимому, и весьма несложные. Роль журналистики—не возбуждать, а успокаивать броженіе общества разностороннимъ и здравымъ мышленіемъ. Да не подумаютъ, впрочемъ, что мы хотимъ сдѣлать изъ публики учениковъ, а изъ журналистовъ—учителей. Боже насъ избави! Мы вполне убѣждены, что опытъ научаетъ лучше всякой теоріи. Но выводы опыта должны быть возведены въ теорію, для того, чтобы дѣятельность всякаго общественнаго дѣятеля могла обратиться въ дѣятельность общественную.

Одно и то же орудіе не можетъ служить для достиженія разнородныхъ цѣлей; такъ и каждый отдѣльный журналъ не можетъ служить для проведенія противоположныхъ мыслей и убѣжденій. Это очевидно. Слѣдовательно, относительное достоинство журналовъ опредѣляется болѣе или менѣе точно-вызваннымъ направленіемъ ихъ, болѣе или менѣе твердымъ убѣжденіемъ, проведеннымъ съ начала до конца и служащимъ выраженіемъ какого нибудь средоточія общественной дѣятельности. Это о журналахъ вообще. Но примѣнима ли исключительность въ воззрѣніяхъ въ журналъ, специально назначенномъ для чтенія людей какого нибудь одного, извѣстнаго сословія? Здѣсь кетати будетъ сказать, что намъ случалось слышать упрекъ «Военному Сборнику» въ томъ, что онъ не имѣетъ опредѣленнаго, вполне высказавшагося *направленія*.

М. г., мы вовсе не выступили передъ публикой съ нашимъ письмомъ на защиту «Военнаго Сборника». Мы полагаемъ, что редакція вовсе не нуждается въ нашей защитѣ, да мы и не довольно увѣрены въ своихъ силахъ для того, чтобы защищать кого бы то ни было. Съ другой стороны, мы убѣждены, что редакція сама сознаетъ, какъ ей много еще осталось сдѣлать, сознаетъ, что если она не заслуживаетъ жесткихъ обвиненій своихъ противниковъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ и полная похвала ея поклонниковъ черезъ-чуръ легко далась ей... Но возвращаемся къ вышеприведенному нами обвиненію противъ васъ.

Чтобы безпристрастно разобрать это обвиненіе, рассмотримъ слѣдующіе два вопроса:

1) Уже выше поставленный нами: возможна ли исключительность въ журналъ, назначенномъ для чтенія людей одного какого либо сословія? и

2) Какія должны быть требованія нашихъ военныхъ людей отъ нашей военной литературы, при условіяхъ нашего быта, въ томъ видѣ, въ которомъ онъ въ настоящее время сложился?

На первый вопросъ мы, не заинаясь, отвѣчаемъ отрицательно.

Направленіе такого журнала, какъ «Военный Сборникъ», должно быть не въ замкнутости его, не въ доступности только для извѣстнаго образа мыслей, а, напротивъ, въ связаніи, въ сосредоточеніи всякихъ воззрѣній самыхъ разнородныхъ и противоположныхъ, выражающихся въ одной и той же средѣ, — въ средѣ людей одного сословія. Съ перваго взгляда это можетъ показаться противорѣчіемъ тому, что мы сказали о журналахъ вообще. Но, вникнувъ въ дѣло глубже, мы убѣдимся, что противорѣчіе это существуетъ только на первый взглядъ. И, дѣйствительно, откуда проистекаетъ мысль о нѣкоторой, нравственной замкнутости журналовъ? Она проистекаетъ изъ того, что всякій журналъ избираетъ извѣстную среду для своей литературной дѣятельности, безъ чего въ немъ не будетъ никакой общей мысли, и онъ сдѣлается только сборникомъ статей, не имѣющихъ между собой ничего общаго. Съ журналомъ специальнымъ этого случиться не можетъ, потому что кругъ его дѣятельности обрамленъ самымъ назначеніемъ его, совершенно обусловленъ *его особой публикой* съ перваго и до послѣдняго дня его существованія. Тутъ журналъ не достигаетъ своего назначенія только въ такомъ случаѣ, если не допускаетъ на своихъ страницахъ полемики, или даже не сумѣетъ возбудить ее. Въ этомъ самое существенное различіе «Военнаго Сборника» и подобныхъ ему изданій отъ другихъ журналовъ. Всѣ вообще журналы имѣютъ право и даже обязанность не допускать на своихъ страницахъ статей съ выраженіемъ мнѣній, противоположныхъ убѣжденіямъ редакціи. Редакція имѣетъ право не печатать статьи, проходящей въ разрѣзъ съ ея собственнымъ чувствомъ или даже только не заслуживающей ея сочувствія. На это-то именно редакція «Военнаго Сборника» и не имѣетъ ни малѣйшаго права. «Военный Сборникъ» служить органомъ цѣлаго сословія, каждый членъ котораго можетъ возвысить свой голосъ въ дѣлѣ, до

него касающемся (*). «Военный Сборникъ» не имѣетъ права отвергать этого голоса, заслуживаетъ ли онъ сочувствія редакціи, или нѣтъ. Редакція, съ своей стороны, должна поставить автору одно только условіе: это — чтобы статья его, отвѣчая условіямъ программы и закона, не была пустымъ фразѣрствомъ, и, при соблюденіи со стороны автора этого единственнаго условія, печатаетъ его статью. Если же на другой день получится по одному и тому же предмету статья совершенно противоположная этой первой, уже напечатанной статьѣ, редакція снова печатаетъ и другую, предоставляя авторамъ обѣихъ статей защищать свои убѣжденія на литературной аренѣ и тѣмъ вызывая мнѣнія читателей. Такимъ образомъ, полемически вырабатывается вопросъ, всегда весьма близкій всей военной публикѣ, въ которой каждое отдѣльное лицо можетъ въ этомъ вопросѣ сдѣлаться изъ зрителя литературнымъ дѣятелемъ. Роль редакціи въ этомъ случаѣ совершенно страдательная: она допускаетъ въ журналъ все, не отвѣчая за правильность чужихъ мнѣній, и только наблюдаетъ, какъ мы выше упомянули, за тѣмъ, чтобы журналъ не обременялся пустою и бесполезною болтовней.

Изъ сказаннаго нами отчасти получается отвѣтъ и на второй нашъ вопросъ: чего военная публика можетъ требовать отъ издаваемого вами журнала? Она имѣетъ право требовать отъ своего органа свободнаго голоса каждому изъ своихъ сочленовъ. Но это еще не все. Военная публика состоитъ изъ офицеровъ. Ея большинство, массу, составляютъ армейскіе офицеры. На страницахъ «Военнаго Сборника» уже не разъ было трактовано о степени образованности этого большинства. Изъ всѣхъ высказанныхъ мнѣній и изъ того, что намъ самимъ довелось видѣть, выводы получаются не совсѣмъ утѣшительные, и самый неутѣшительный изъ нихъ — это равнодушіе многихъ изъ насъ къ чтенію. Равнодушіе это только можетъ болѣе и болѣе распространиться, если «Военный Сборникъ» въ своемъ научномъ отдѣлѣ будетъ представлять для чтенія своей публики статьи су-

(*). Приведемъ здѣсь ксати слова Высочайше утвержденной программы «Военнаго Сборника»:

«Изданіе это предпринято съ целью доставить офицерамъ всѣхъ оружіи занимательное и полезное чтеніе и въ то же время каждому наблюдательному и желающему общей пользы офицеру дать средства сообщать своимъ товарищамъ по оружію наблюденія и замѣчанія свои о всѣхъ предметахъ, касающихся матеріальнаго и нравственнаго быта нашихъ войскъ.» *Дет.*

хія и преисполненныя техническихъ терминовъ. Журналъ существуетъ не для отдѣльныхъ лицъ, а для всей массы. Журналъ ученымъ большинствомъ читаться не будетъ. Слѣдовательно, на обязанности «Военнаго Сборника» лежитъ знакомить насъ съ научной стороною нашего военнаго дѣла — легко и безъ малѣйшаго педантства. Умѣнье незамѣтно пробудить въ человѣкѣ нѣкоторыя, самыя элементарныя, понятія, касающіяся его специальности — уже весьма важный шагъ къ пробужденію въ немъ желанія учиться и болѣе серьезнымъ образомъ.

Сведя въ общій сводъ все изложенное нами, получится такое заключеніе: 1) всѣ, такъ сказать жизненные, вопросы нашего военнаго быта должны вырабатываться на страницахъ журнала путемъ полемики, безъ насильственнаго вмѣшательства и стѣсненія со стороны редакціи, и 2) редакція должна избѣгать статей сухихъ и слишкомъ ученыхъ, заботясь о наиболѣе популярномъ изложеніи статей своего научнаго отдѣла, о такомъ чтеніи, которое, знакомя военныхъ людей съ военнымъ дѣломъ, было бы не только доступно для нихъ, но и завлекательно. Къ этому можетъ повести расширеніе отдѣла военной исторіи въ простыхъ и общепонятныхъ рассказахъ, мемуары частныхъ лицъ о военныхъ дѣйствіяхъ и вообще всѣ такого рода сочиненія, которыя соединяютъ въ себѣ увлекательность повѣсти съ плодами военнаго опыта.

Если редакція достигаетъ двухъ, выше объясненныхъ цѣлей, то едва ли ее можно упрекнуть въ недостатокѣ *направленія*.

Имѣя честь быть постояннымъ сотрудникомъ вашимъ, м. г., имѣя возможность слѣдить за дѣятельностію редакціи почти день за день, мы считаемъ себя вправѣ заявить передъ вашими читателями ваше стремленіе къ тому, чтобы сдѣлать изъ «Военнаго Сборника» дѣйствительный органъ военнаго большинства, дать въ вашемъ журналѣ мѣсто всякому здравому сужденію, не останавливаясь при этомъ ни передъ трудной работой, литературной отдѣлки статей, которыя не могутъ быть напечатаны въ томъ необработанномъ видѣ, въ которомъ присылаются въ редакцію, ни передъ мыслями, не согласующимися съ нашимъ собственнымъ образомъ мыслей. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ вы можете заслужить только сочувствіе добронпорядочныхъ людей. Было бы съ вашей стороны смѣшно и странно дуться небывалыхъ опасностей и выступать, какъ новый Донъ-

Кихоть, на борьбу съ мельницами и привидѣніями. Здравая логика всегда возьметъ верхъ надъ утопіей. А, между тѣмъ, болѣе неправильныхъ сужденій и вліянія ихъ на умы вашихъ читателей, стѣсняя разностороннее проявленіе какого либо поднятнаго вопроса, вы забудете весьма дѣльную и весьма практичную русскую поговорку: «Умъ хорошо, а два лучше».

Что же касается до статей, могущихъ *приохотить* къ чтенію многихъ и многихъ нелюбителей его, и вмѣстѣ съ тѣмъ принести читателямъ пользу въ военномъ отношеніи, то въ недостаткѣ такихъ статей, я думаю, никто не можетъ упрекнуть васъ. Болѣе подробно я на этотъ счетъ распространяться не буду. Редакція сама можетъ указать на такія статьи, помѣщенные ею, и на цѣль ихъ помѣщенія.

Какъ мы уже упомянули, редакція «Военнаго Сборника», при назначеніи въ печать присылаемыхъ статей, не принимаетъ въ соображеніе большее или меньшее изящество языка, которымъ статья написана, а только обращаетъ вниманіе на внутреннее содержаніе ея, и, такимъ образомъ, беретъ на себя трудъ по литературной отдѣлкѣ многихъ статей. Работа эта затруднительна, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, неизбежна, если не упускать изъ виду главной цѣли изданія журнала, который долженъ быть органомъ не только военныхъ людей, умѣющихъ литературно излагать свои мысли, но всѣхъ вообще здравомыслящихъ военныхъ людей, какъ бы мысли ихъ ни были изложены. Подобнаго рода *случайныхъ* сотрудниковъ у «Военнаго Сборника» гораздо болѣе, чѣмъ сотрудниковъ постоянныхъ, могущихъ быть дѣйствительными, дѣятельными помощниками редактора. Этимъ обстоятельствомъ много усложняется трудъ редакціи, но за то достигаются двѣ цѣли: всякое здоровое сужденіе отдѣльнаго лица, выраженное письменно и присланное въ редакцію, доходитъ до публики даже въ такомъ случаѣ, когда оно было выражено языкомъ не совсемъ грамотнымъ, и, во вторыхъ, большая часть денежныхъ средствъ редакціи переходитъ къ тому же сословію, для котораго существуетъ журналъ, стремящійся, такимъ образомъ, къ улучшенію и нравственному и до нѣкоторой степени матеріальному быту военныхъ людей.

Но всѣмъ этимъ еще не должна ограничиваться литературная дѣятельность ваша, м. г. Приступаемъ къ главному — къ тому, что послужило вамъ поводомъ написать это письмо.

Мы уже высказали свой взглядъ на значеніе полемики въ издаваемомъ вами журналѣ. *Du choc des opinions jaillit la verité.* Вотъ почему намъ кажется, что полная свобода выраженія самыхъ разностороннихъ и разнообразныхъ мнѣній можетъ принести только пользу, — можетъ быть, вамъ поставлено только въ заслугу. Но при этомъ не мѣшало бы вамъ провести и такую мысль, что *голось совѣщательный* не есть *голось распорядительный*. Это требуетъ нѣсколькихъ пояснительныхъ словъ.

Во всякомъ обществѣ, всегда и вездѣ, найдутся люди, которые готовы злоупотребить дѣломъ, а также и люди, которые дѣла не поймутъ и растолкуютъ его вкривь и вкось. Такимъ путемъ можетъ произойти смѣшеніе понятій, явится, на примѣръ, мысль, что если я могу рассуждать, то могу и не повиноваться. Не давать свободно высказываться убѣжденіямъ людей, говорящихъ о своемъ собственномъ дѣлѣ, положительно вредно и для дѣла и для людей; но, съ другой стороны, еще болѣе вредъ заключается для военныхъ людей въ упадкѣ дисциплины, на которой зиждется всякая военная служба и безъ которой никакое войско существовать не можетъ. И, дѣйствительно, возможно ли представить себѣ такой порядокъ вещей, при которомъ полное и безпрекословное послушаніе было бы замѣнено въ войскѣ дѣйствіями, основанными на самомъ безкорыстномъ, на самомъ добросовѣстномъ и искреннемъ убѣжденіи, по на одномъ только личномъ убѣжденіи отдѣльныхъ лицъ. Понятно, что при этомъ уничтожилось бы подчиненіе высшихъ по военной іерархіи чиновъ высшимъ и разрушилась бы возможность командовать отдѣльными частями войска, которое изъ стройныхъ массъ превратилось бы въ нестройныя и буйныя толпы. Вотъ почему мы говоримъ, что пора «Военному Сборнику» гласно и торжественно высказать раздѣльность *слова и дѣйствія*.

Объявляясь полнѣе.

Литература способствуетъ развитію и разъясненію рождающихся въ народной жизни вопросовъ; но не на ней лежитъ окончательное рѣшеніе этихъ вопросовъ, не она говоритъ въ нихъ послѣднее слово, не на ея долю выпадаетъ право и обязанность рѣшительнаго приговора. Къ этому послѣднему слову, къ этому рѣшительному приговору приводитъ время и извѣстная степень общественнаго развитія; выражаются же они въ правительственномъ распоряженіи. Въ этомъ и заключается гармоническое соединеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, существенное различіе литературы

и жизни. Литература безъ жизни (*) невозможна, жизнь безъ литературы лишена одного изъ самыхъ могущественныхъ своихъ двигателей, лишена возможности повѣрки самой себя. Но литература часто и почти всегда заходитъ впередъ жизни и, при разработкѣ каждаго жизненнаго вопроса, говоритъ много такихъ словъ, которыя въ жизни окажутся излишними и непримѣнными къ дѣлу. Безумно было бы смѣшивать литературное слово съ тѣми плодами этого литературнаго слова, которые, можетъ быть, современемъ войдутъ въ жизнь, а можетъ быть, какъ бесполезное дѣло въ нравственномъ человѣческомъ развитіи, капнуть въ вѣчность, не оставивъ за собой другаго слѣда, кромѣ минутнаго шума своего паденія. Безумно, говоримъ мы, было бы принимать слово за дѣйствіе, или, лучше сказать, основывать свое дѣйствіе на литературномъ словѣ. Слово, сказанное *однимъ*, можетъ быть отвергнуто *многими*, и только принятое большинствомъ и глубоко имъ прочувствованное, оно обращается въ дѣйствіе.

Не развивая далѣе этой теоріи, примѣнимъ ее къ тому, что мы сказали выше о свободномъ полемическомъ словѣ военной литературы рядомъ съ идеей о военной дисциплинѣ.

Давно на Руси существуетъ поговорка: «служба службой, а дружба дружбой». Ранѣе, чѣмъ явилась мысль о необходимости совокупнаго нравственнаго дѣйствія многихъ членовъ общества въ общественномъ дѣлѣ посредствомъ литературнаго слова, уже эта поговорка выразила необходимость раздѣльности служебныхъ и частныхъ отношеній однихъ и тѣхъ же лицъ. Старшинство чиновъ не лишаетъ общественныхъ правъ младшихъ по служебной іерархіи лицъ, точно такъ же, какъ не обусловливается исключительно большей или меньшей степенью ума и развитости; но, конечно, никому не придетъ въ голову принимать въ соображеніе частныхъ отношеній при исполненіи служебныхъ обязанностей; конечно, ни одинъ благоразумный человекъ не скажетъ: «я умнѣе того, кто мнѣ отдаетъ такое-то приказаніе по службѣ, и потому его приказанія не исполню». Очевидно, что подобная логика не мыслима. Между тѣмъ, раздѣльность отношеній чисто служебныхъ и отношеній частныхъ, хотя бы эти послѣднія и были основаны на интересахъ служеб-

(*) Понятно, что, употребляя слово *жизни*, мы вездѣ говоримъ не о жизни животной, а о жизни нравственной, разумной, сложившейся въ политическія формы.

ныхъ, — раздѣльность, такъ вѣрно понятую въ жизни и мѣтко выраженную поговоркой: «служба службой, а дружба дружбой», многие не сумѣли перенести на почву литературную, не сумѣли понять, что литература есть только обширное поле для частной, неспециальной дѣятельности, которую не должно смѣшивать съ дѣятельностью официальной, правительственной. Сравнивая вліяніе той и другой дѣятельности на всѣдневныя проявленія нашей служебной жизни, въ нихъ, по нашему мнѣнію, найдется мало общаго: первая имѣетъ вліяніе на вторую только косвеннымъ образомъ, къ тому же часто вліяніе шаткое и весьма условное. Тѣмъ страннѣе казалось намъ, когда доводилось слышать, что нѣкоторые изъ сочленовъ обширнаго офицерскаго общества иногда ссылаются, въ оправданіе себя въ извѣстномъ данномъ случаѣ, на какую нибудь отдѣльно вырванную фразу изъ статей «Военнаго Сборника», иногда же пеняютъ на «Военный Сборникъ» за частыя примѣры злоупотребленія власти или другіе, возбуждающіе негодованіе, случаи. Но, во первыхъ, развѣ отдѣльно вырванная изъ статьи фраза, часто теряющая, такимъ образомъ, то значеніе, которое она имѣла на мѣстѣ, гдѣ была поставлена, — развѣ такая фраза, говоримъ мы, можетъ служить оправданіемъ или объясненіемъ какого либо поступка? Во вторыхъ, что же такое наконецъ «Военный Сборникъ»? Собраніе статей, выражающихъ мнѣнія отдѣльныхъ лицъ, или кодексъ правительственныхъ распоряженій, которыя одни только служатъ послѣднимъ и рѣшительнымъ выраженіемъ какой нибудь окончательно выработанной мысли, обращающейся, такимъ образомъ, въ дѣло и приобретающей силу факта, на который каждый имѣетъ право ссылаться? Но, конечно, редакція «Военнаго Сборника» и не мыслила никогда объ этой послѣдней роли, точно такъ же, какъ она не думала о надобности высказывать свои убѣжденія о дисциплинѣ рядомъ съ литературной свободой, потому что, вѣроятно, мысли по этому предмету считала до такой степени простыми, элементарными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, присущими всякому, что не полагала нужнымъ проводить ихъ передъ своими читателями. Ясно, что право подавать свой голосъ въ общественномъ дѣлѣ и служить по мѣрѣ силъ плодами своего опыта на пользу общественную не есть право отступать отъ общественнаго порядка, основываясь на убѣжденіи или своемъ, или другаго отдѣльнаго лица, — на убѣжденіи, которое

часто можетъ быть ошибочно и порождено случайными, искаженными обстоятельствами.

Позволимъ себѣ еще разъ повторить, что свобода въ литературныхъ преніяхъ «Военнаго Сборника» необходима; но если она можетъ служить во вредъ дисциплинѣ, то она невозможна, и тому что безъ дисциплины нѣтъ истинной военной службы, безъ военной службы военная литература не имѣетъ смысла. Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, м. г., что мы такъ настаиваемъ на этомъ и находимъ, что это мысль, которая должна быть постоянно проводима въ издаваемомъ вами журналѣ. Все это азбука, скажутъ многіе. Правда; но нужно твердо знать азбуку, чтобы свободно читать.

Примите увѣреніе, и пр.

Н. МАСЛОВЪ.